

Убийца Сталина

рассказ

16+

Серов Георгий Алексеевич

Георгий Алексеевич Серов Убийца Сталина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49839382

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ представлен в форме протокола допроса подозреваемого в убийстве "Великого вождя" командарма 2-го ранга Константинова, написанного собственноручно командармом.

УБИЙЦА СТАЛИНА

Наркомун Внутренних Дел СССР
Генеральному комиссару
государственной безопасности
Ежову Н.И.

Чистосердечное признание

Я, Константинов Иван Александрович, будучи арестован и доставлен 18 июня 1938 г. в Народный комиссариат Внутренних Дел СССР, хочу добровольно сообщить о совершении мной в 22 часа 05 минут 17 июня 1938 г. убийства горячо любимого нашим советским народом товарища Сталина И.В. при обстоятельствах, которые я готов подробно и обстоятельно изложить в дальнейших показаниях. Также я намерен сообщить о моей подготовке к этому злодеянию против всего прогрессивно настроенного человечества.

Мной прочитано, с моих слов записано не вполне верно. Я не сообщал о «горячо любимом» и о «злодеянии против прогрессивно настроенного человечества». В остальном все верно.

18/VI/1938 г.

подпись

Заявление отобрал старший уполномоченный 2-го Управления НКВД лейтенант государственной безопасности Кузьмин Е.Б.

подпись

С.С.С.Р.

—
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
—

Управление № 2 НКВД С.С.С.Р.

Допрос начат 02 час 25 мин

Допрос окончен 05 час 50 мин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

подозреваемого

к делу № 17236

1938 г. июня мес. 18 дня. Я, ст. уполномоченный 2-го Управления НКВД С.С.С.Р. лейтенант государственной безопасности Кузьмин Е.Б., допросил в качестве подозреваемого.

1. Фамилия: Константинов
2. Имя и отчество: Иван Александрович
3. Дата рождения: 27 марта 1895 г.
4. Место рождения: с. Крутоярово Самарской губернии
5. Местожительство: г. Москва, ул. Серафимовича, дом 2,

квартира 175

б. Нац. и гражд. (подданство): русский, гражданин СССР

.....

На предложение старшего уполномоченного подозреваемый Константинов И.А. изъявил желание изложить свои показания собственноручно.

Я, Константинов Иван Александрович, родился 27 марта 1895 г. в с. Крутоярово Самарской губернии в семье крестьян. Был четвертым из пятерых детей. Младший брат умер ещё во младенчестве от пневмонии. Родители мои, Александр Прохорович и Мария Лукинична, родились в один год – 1873 и умерли в один год – 1932.

С 1901 г. по 1905 г. обучался в церковно-приходской школе, затем дядя Николай, брат отца, отвёз меня в Петербург, где до 1914 г. я был сначала подмастерьем, а затем разнорабочим на литейно-механическом заводе акционерного общества Вестингауза.

С началом войны, в сентябре 1914 г. был призван на фронт, где служил в звании рядового до 1916 г. В июле 1916 г. получил осколочное ранение в шею, после чего до марта 1917 г. находился на излечении в госпиталях и комиссован по состоянию здоровья. По излечении от полученных ранений, направился в г. Петербург, где вступил в ряды РСДРП (б).

В дальнейшем принимал участие в подготовке, в том числе путем агитации в войсках, к вооруженному восстанию,

имевшему свое завершение в октябре 1917 г.

Участвовал в Гражданской войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Направлялся партией на подавление белочешского мятежа на Урале в сентябре 1918 г. Впоследствии участвовал в боевых действиях в Донбассе и на Северном Кавказе, где происходили столкновения с армией генерала Деникина.

Неоднократно получал ранения на службе Отечеству, в том числе две тяжелых контузии, но всякий раз возвращался в действующую армию.

Окончил войну, руководя 63-м полком 12-й Стрелковой дивизии 14-й армии РККА. Как перспективного военачальника меня направили в 1923 г. в Военную академию РККА для прохождения обучения.

В 1935 г., во время нахождения моего на Дальнем Востоке, я руководил артиллерийским корпусом, мне было присвоено военное звание комкора. После этого, в мае 1936 г. был переведен по службе в Народный комиссариат обороны СССР в г. Москве.

Женат на Константиновой (в девичестве Задворской) Ирине Николаевне, 28 июля 1895 г. рождения, в настоящее время служащей Народного комиссариата просвещения РСФСР. Имею 2-х детей: Павла, 13 сентября 1918 г. рождения, и Марию, 25 декабря 1923 г. рождения.

Полагаю, что следствию все обстоятельства моей жизни и родственные связи известны, в связи с чем отражаю лишь

существенные вехи моей биографии.

На вопрос должностного лица НКВД о том, где в настоящее время находятся мои родные, ничего не могу сообщить. Я отправил их заблаговременно из Москвы, поскольку мне хорошо известно, каким образом поступают с семьями «врагов народа», «террористов» и тому подобных.

На повторный вопрос уполномоченного, сопровождаемого (вымарано), сообщаю, что даже если бы я и знал, где находится моя семья, я ничего не сообщил бы. Угрозы убийством и избиения ни к чему не приведут, поскольку свою дальнейшую судьбу я знаю, смерть и пытки мне не страшны.

Я – человек с мертвой душой. Моя душа мертва еще с осени 1932 г. – со дня, когда умерли мои родители. Отца и мать, когда они попытались воспрепятствовать хлебозаготовкам отвели за ближайший сарай и, поставив к стенке, расстреляли сотрудники ОГПУ, направленные в с. Крутоярово, где проживали родители, для принудительного изъятия у крестьян остатков зерна по схронам.

Я корю себя до сих пор, что не спас их, не настоял еще в 1931 г., когда гостил в отпуске у них, на их скорейшем переезде из села, где они прожили всю свою жизнь, в город. В любой город, не имело значения, главное – подальше от села.

С того самого времени, с осени 32 года, моя уверенность в том, что Советское государство движется в правильном направлении под руководством «Великого кормчего», значительно пошатнулась. Я все время спрашивал, за что я – лич-

но я боролся? – За то, чтобы молокосос-ОГПУшник, отбирая последнее, пристрелил, как бешенных собак, людей, давших мне жизнь?

Мне было не понаслышке известно, что творится в деревне: коллективизация, раскулачивание – ликвидация кулачества как класса, одним из результатов чего были гигантские потери урожая в 1931-32 гг., что и привело впоследствии к голоду. Но теперь я на своей шкуре почувствовал, что творит власть. Власть, по сути своей являющаяся вредительской, сконцентрировалась в руках одного человека, который не желает признавать своих ошибок, мстителен, фактически дорвался до власти, не имея к ней ни малейшей способности.

Я всегда со скепсисом относился к высказыванию «Революцию задумывают романтики, реализуют фанатики, а пользуются её плодами отпетые негодяи», однако лично имел возможность убедиться в её верности. Я склонен полагать, что Маркса можно отнести к наивным романтикам с его кабинетными представлениями о революции, я также согласен и с тем, что мы, революционеры, – фанатики. Но я теперь понимаю, что пользуется полученной в результате революции власти отпетый негодяй – Сосо Джугашвили, который, пойдя он по стопам отца и стань сапожником, смог бы показывать особенности своего характера клиентам, а не огромному народу.

Тогда, осенью 1932 г. во мне вдруг всколыхнулось смутное чувство. Что, если избавить страну от тирании одного

человека? – Ведь все окончательные решения принадлежали именно ему.

Именно он, из всех лиц, стоявших у истоков большевистской революции, больше всех любил работать с бумагами: распоряжениями, директивами, приказами и тому подобными. Именно он правил лично проект постановления «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», ведя крестьянство к катастрофе. Именно он надиктовал постановление «О порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской власти» после убийства Кирова, открывая путь к репрессии.

Последней каплей в чаше моего терпения были репрессии военных, которые начались примерно с середины 1936 г. с ареста комдива Шмидта, комкора Примакова. Теперь уже принялись за Армию. Уничтожили Тухачевского и комкоров Фельдмана и Эйдемана, лично знакомого мне Корка, начальника Военной академии, и других. Судили втихую, 11 июня 1937 г. ближе к полуночи огласили приговор, который, скорее всего, продиктовал «любитель работы с бумагами», товарищ Сталин. А уже через 6 часов всех расстреляли.

От всех этих событий кругом шла голова, я поверил сначала, что в стране действительно существовал некий заговор военных с целью свержения действующей власти.

Но когда в январе 1938 г. по доносу арестовали первого заместителя наркома обороны Егорова ...

Вся вина его заключалась в том, что он, будучи в под-

питии, имел неосторожность жаловаться на незаслуженное восхваление Сталина и Ворошилова в качестве победителей Гражданской войны.

После этих событий во мне окончательно созрела решимость совершить убийство Сталина при малейшей возможности к тому. Я должен был действовать – остановить, хоть и ценой своей жизни, ручьи и потоки крови, перераставшие в полноводные ее реки.

Естественно, я никого не посвящал в свои планы, даже самых близких мне людей, решил действовать в одиночку. В наше время, когда даже косо́й взгляд на портрет вождя может иметь фатальный исход, делиться с другими своим недовольством, а уж тем более, вслух желать ему смерти – чистой воды безумие.

Я понимал – совершить убийство Сталина в одиночку, с учетом того, что Сталин чуть ли не в нужник ходит в сопровождении охраны, практически невозможно.

Мне был прекрасно известен случай с Огаревым, который совершенно бестолково использовал представившийся ему шанс убить Сталина – 16 ноября 1931 г. он столкнулся со Сталиным на улице, но не смог даже выстрелить из револьвера.

Я долго размышлял – что, если бы у Огарева получилось тогда воспользоваться случаем и уничтожить тирана? Может быть, и не было бы тогда Голодомора, может быть и мои родители были бы живы. Не хотелось мне верить, что Кагано-

вич с Молотовым, да и кто бы то ни было иной, сравнятся по кровожадности с Кобой.

Рассуждая об Огареве и других, ему подобных, неудавшихся убийцах, я начал понимать, что бог, в которого так верили несчастные мои родители, где-то там, далеко, и существует только в нашем представлении, является чистой воды абстракцией. А дьявол, который хранит Сталина от смерти, более чем реален – он здесь, между нами, ходит неслышно и смеется нам в лицо.

Повторюсь, я никого не привлекал к исполнению своего замысла. Я просто ждал удобного момента, когда мне представилась бы возможность оказаться лицом к лицу со Сталиным.

Да, я осознавал, что план мой предполагал слишком много условий и мог сорваться из-за любой случайности: меня могли не пригласить на торжество с участием Сталина, при несанкционированном приближении к нему, путь к телу могли преградить головорезы из его охраны, возглавляемой Власиком.

Я винил себя за то, что окончательное осознание необходимости уничтожения «Великого вождя» пришло ко мне после очередного большого кремлевского приема для избранных участников первомайского парада в 1937 г., на котором я присутствовал. Я боялся, что упустил свой шанс.

После этого, 26 июля 1937 г. проводилось торжество в честь летчиков Чкалова, Байдукова и Белякова, на который

меня уже не пригласили. Меня не пригласили и на следующий прием в Кремле, состоявшийся 02 мая 1938 г.

С учетом того, что командный состав Красной Армии был обычно представлен на приемах с участием Сталина, эти обстоятельства дали мне основания полагать, что надо мной сгущаются тучи. Почти полтора года я ожидал своего ареста, зная, что в любом случае НКВД сделает на мне план по арестам, а с учетом моей должности – план по выявлению заговорщиков в рядах РККА и расстрелам.

Однако же до 15 июня сего года меня не трогали. Именно в этот день меня вызвали на допрос в НКВД, который продлился 5 часов. В ходе допроса мне настойчиво предлагали содействовать в изобличении остатков заговорщиков внутри Наркомата обороны. Когда же я сказал следователю, что сообщить мне, даже и при всем желании содействовать следствию, нечего, мне предложили «хорошо подумать» и отпустили восвояси.

Вечером того же дня я получил приятное, но странное в данных обстоятельствах известие – по телефону меня пригласили в Кремль на торжество по поводу образования Сталинской и Ворошиловской областей в составе СССР.

Я высказал определенное сомнение по поводу того, по тому ли телефону позвонили, не ошибся ли звонивший, действительно ли меня пригласили прийти 17 июня 1938 г. в Кремль. Однако звонивший мне сообщил, что никаких ошибок быть не может и, разумеется, я приглашен на торже-

ство, на котором предполагалось участие товарища Сталина.

16 июня на работу в Наркомат, сославшись на недомогание, я не поехал. Сказав, что, скорее всего, мне необходимо готовиться к аресту, я предложил жене и детям немедленно покинуть Москву, по крайней мере, месяца на два, но, вероятно все-таки, на больший срок, до тех пор, пока все не утрясется.

После поспешных сборов мы выдвинулись на вокзал, указать точно товарищу следователю наименование вокзала не могу, поскольку, как я уже раньше говорил, опасаясь за жизнь близких мне людей. Отправив семью на ближайшем поезде, я направился домой, готовиться к торжественному собранию, вернее, к совершению поступка, ставшего единственным смыслом моей жизни в последнее время.

Оказавшись один в квартире, я начал тщательно готовиться к задуманному. Я приготовился задействовать в деле наградной сувенирный кортик, который, как я смог убедиться, был изготовлен из твердой стали. Поскольку лезвие его заточено не было, я заострил его с обеих сторон с помощью точильного камня. Чтобы рукоятка не проскальзывала, я плотно обмотал ее тряпичным материалом и закрепил его металлическими полосками, прижав их плоскогубцами к рукоятке.

Некоторое время я провел, рассуждая, каким образом лучше нанести удар. Наиболее верным способом являлось, на мой взгляд, полоснуть кортиком по шее, поскольку имен-

но в шею близко к поверхности кожи находятся магистральные кровеносные сосуды. Обильная кровопотеря в случае их повреждения практически гарантированно влечет быструю смерть.

Остальные варианты убийства я отверг – в сердце попасть с первого раза, дело случая – его защищают ребра и грудина. Не исключено также, что во внутренних карманах одежды Сталина хранится портсигар или еще какая-нибудь ерунда, способная задержать удар. Вообще наиболее верный удар – по открытым участкам тела. Что там, под кителем, – не известно, может, бронежилет?

Я также отверг и другие орудия убийства. Столовые ножи с зубринами для этой цели явно не годились – слишком мягкая сталь, слишком неудобная рукоятка. К тому же соседи по столу наверняка бы заметили, что я взял нож со стола.

Наградной пистолет я тоже решил не брать с собой. Я знал, что обычно наличие оружия при входе на территорию Кремля и в Большой кремлевский дворец не проверяли – знали, что рисковать свободой, а может быть, и жизнью, пытаясь пронести оружие на встречу со Сталиным, никто не станет. Однако было бы глупо ставить под удар успех моего предприятия, взяв с собой пистолет как раз в тот прекрасный день, когда охрана Кремля решила бы проводить досмотр на предмет наличия оружия.

Сувенирный кортик же идеально подходил на роль орудия убийства – я решил спрятать его в носок и пронести в Кремль.

левский дворец, а, затем, выйдя в туалет, перепрятать его в левый рукав кителя, чтобы в решающий момент, не мешкая, достать его правой рукой и нанести удар наотмашь по шее Сталина.

Для того, чтобы кортик не выпал случайно в какой-нибудь неподходящий момент я нашёл с внутренней стороны рукава кителя потайной карман.

Наступило 17 июня. Приготовления к покушению мной были закончены далеко за полночь. Все мои попытки уснуть закончились безуспешно – меня одолела бессонница, нервы были расшатаны. Я понимал, что сегодня или, как максимум, завтра дни мои будут сочтены.

До 17 часов я находился в каком-то оцепенении, состоянии ступора, ленивые мысли водоворотом крутились в моей голове. Конечно же, я хотел исполнения своего плана, но осознавал, что шансов – ничтожно мало.

В 17 часов 30 минут я вызвал служебную машину, чтобы доехать до Кремля, хотя от своего дома на Берсеневской набережной я мог бы пройти пешком, но мне лишний раз не хотелось показываться перед глазами охраны. Может быть, это обычное состояние человека, затеявшего то, за что он неминуемо будет казнен.

Без семи шесть я был уже в Георгиевском зале. Опаздывать на торжество, лишний раз обращать на себя внимание, как я предположил, было бы, мягко говоря, опрометчиво, особенно в моем положении – положении без пяти минут

арестанта.

Меня усадили рядом с командармом 2-го ранга с Дальнего Востока. Мы редко встречались, поэтому фамилию его я точно не помню – по-моему, Нагиевский. С правой стороны от меня сидел Щаденко – заместитель Наркома обороны. Больше опасений у меня вызывал Нагиевский – если он успеет разгадать мои намерения, мне явно несдобровать. Этот верзила с лицом держиморды мог бы просто раздавить меня своим телом, помешав исполнению задуманного мной. Щаденко я не опасался – он больше специалист по работе с пером и бумагой – не станет соваться.

Примерно в шесть десять появился Сталин в окружении свиты и охраны. В основном меня интересовала охрана. Два дюжих молодца ростом под два метра и весом килограммов под сто. Ну и, разумеется, праздничный стол со всех сторон окружили официанты с бульдожьими мордами – сомнений не было, что это натренированные молодчики из НКВД, готовые мгновенно среагировать на малейшее подозрительное, по их мнению, движение.

Десятиминутная овация сопровождала вход «любимого вождя» с прихлебателями. Я в это время был сосредоточен на своих мыслях. Теперь мне оставалось дожидаться, когда Сталин пойдет по нужде либо же пойдет обходить всех участников торжества – чокаться и следить, как его подданные раз за разом осушают бокалы. Второе, разумеется, менее вероятно – природная подозрительность вождя троекратно

усилилась после неоднократных покушений на его жизнь, поэтому он не решался «ходить в народ».

Начался пир, вино и водка лились рекой – вождь любил, когда все упивались, ему нравилось, как гости упивались до поросычьего визга, а на утро, помимо тяжелого похмелья, пытались вспомнить, что было накануне и мучились неизвестностью вкупе с чувством вины.

Примерно через полчаса я вышел из-за стола и направился в туалет, где, убедившись, что мои действия никому не заметны, я высунул кортик из носка и засунул его в потайной карман в рукаве кителя.

Вернувшись, я стал выжидать удобного момента. Для исполнения моего плана существовал еще один риск – Сталин мог уйти в разгар пиршества неожиданно и тогда все будет упущено, все пойдет прахом.

Пока я предавался таким размышлениям, произошло неожиданное – меня позвали к столу, где находились члены Политбюро. И, чего я совсем уж не ожидал, – навстречу мне поднялся сам Сталин. Он взял со стола бокал с «Цинандали» – его любимым «летним» вином и, к моему удивлению произнес тост в мою честь, сказав при этом, я сейчас точно не вспомню слова, но что-то наподобие:

«Некоторым не нравится товарищ Сталин, некоторые критикуют его политику, как внутреннюю, так и внешнюю, некоторые, я знаю, даже желали бы убить товарища Сталина, уничтожить его, стереть с лица земли».

Я видел как напряженные выражения появились на лицах людей, сидящих за столами. Сталин, тем временем, развивал свою речь:

«Стереть с лица земли не одного меня, но и всю нашу социалистическую родину с его великим народом. Но благодаря нашей доблестной Армии, славный сын которой, командарм 1-го ранга Константинов, стоит сейчас рядом со мной, нам никакой внешний враг не страшен!».

Я отказывался верить своим ушам. Мне присвоили очередное военное звание? После вызова в НКВД?

Зал, тем временем, взорвался аплодисментами, а Сталин в это время сказал, обращаясь ко мне:

«Ну что смотришь волком, командарм 1-го ранга, с присвоением очередного военного звания», и потянулся ко мне рукой с бокалом.

Дальше я действовал, словно в полусне. Протянув левую руку, в которой я держал бокал, в направлении Сталина, я опережающим движением правой руки достал из потайного кармана кортик и, перехватив его так, чтобы лезвие шло вперед руки, полоснул им по горлу диктатора.

Кровь у него оказалась красная, обычная человеческая кровь. Она толчками вырывалась из зияющей раны под подбородком. Коба, схватившись за горло, накренился набок и, вцепившись в скатерть, упал на паркетный пол, увлекая за собой выставленное на столе.

Все произошло достаточно быстро, я не успел моргнуть

глазом и оказался прижатым к полу, рядом с распростертым телом Сталина, который уже издавал предсмертные хрипы и какие-то булькающие звуки.

Дальнейшие события следствию известны – я был арестован (доблестные сотрудники НКВД удержались сами от того, чтобы застрелить меня на месте, и оградили меня от гнева пьяной толпы) и доставлен в Наркомат Внутренних Дел СССР на Лубянской площади, где пожелал изложить все произошедшее.

Мной записано собственноручно. Вину свою признаю, не раскаиваюсь.

Замечаний по содержанию протокола не имею.

Подозреваемый

подпись

Уполномоченный

подпись

Ежов поднял усталые глаза от протокола допроса. Обратив внимание на мрачный вид вытянувшегося по струнке старшего уполномоченного – лейтенанта Кузьмина, нарком спросил:

– Чего вид такой торжественный, лейтенант?

Лейтенант замешкался, не решаясь спросить у Ежова, но махнув рукой, все же спросил дрожащим голосом:

– Товарищ нарком, как же мы жить-то теперь будем? Как же мы теперь без товарища Сталина?

– Как без товарища Сталина? Тяжело, конечно будет, но, думаю, недели за две мы здесь, на месте, не пропадем.

– Как же так, его ж... его же убили! Вот же эта сволочь тут написала в протоколе допроса!

– А-а! Ты про это? – Ежов безудержно захохотал. Затем, несколько подуспокоившись, он продолжил:

– Ты чего, лейтенант? – Не осведомлен, что товарищ Сталин в Сочи в отпуске находится?

– Но как же чистосердечное признание командарма Константинова, как же его показания? – Он ведь все собственноручно написал, описал и мотивы, и способ убийства товарища...

– Слушай, Кузьмин, мать твою, ты чего такой наивный? Что, поверил этой бредятине? – Перебил оперативника Ежов.

– Признаться, я... Да, поверил. – Смущенно, словно стесняясь своей легковёрности, пробормотал Кузьмин, не вполне еще веря словам наркома. – Я же этого Константинова в подвале пристрелил за товарища Сталина.

– Вот это ты зря, лейтенант. – Ежов вскинул на уполномоченного тяжелый взгляд. – Ответить придется за самостоятельность. Константинов и так предполагался к расстрелу за свою контрреволюционную деятельность в рядах нашей Армии, но, судя по всему, его надо было, все-таки, в дурдом отправлять, подлечиться, а уж затем расстреливать. В любом случае, до доклада товарищу Сталину предпринимать какие-то действия, особенно столь радикальные, не стоило. Держись, лейтенант, жизнь твоя бестолковая теперь в руках

нашего вождя.

Ежов встал из-за стола и, чеканя шаг своими короткими ножками, начал ходить по своему громадному, обставленному тяжеловесной мебелью, кабинету.

– Его тебе откуда доставили? – Спросил он у лейтенанта.

– Из внутреннего двора Кремля. Мне его когда доставили, сказали, что он оказал сопротивление, кричал, что убил Сталина.

– И все? Больше ничего не поясняли?

– Все, товарищ Генеральный комиссар.

– Как себя вел Константинов при допросе, не буянил? За... – Ежов подошел к своему столу и посмотрел на протокол допроса. – За три с половиной часа не выкинул чего-нибудь такого?

– Нет. – Ответил лейтенант. – Вел себя абсолютно спокойно. Был даже самоуверен, я бы сказал.

– Странно. – Задумчиво произнес Ежов. – Сохранять спокойствие при явном агрессивном помешательстве?

Вообще, быть самоуверенным при нахождении в Наркомате Внутренних Дел после выдуманного убийства вождя – это ли не признак помешательства?

– Товарищ нарком, я не знал, что Константинов – сумасшедший.

– Да я и сам об этом не знал. И когда, главное, успел? – Протянул Ежов. – Вот же, его 15 числа майор Мотыгин допрашивал. Тоже, говорит, не увидел и не услышал ничего,

что свидетельствовало бы о сумасшествии командарма этого.

Ежов сел за свой стол и задумался на некоторое время. Затем, словно вспомнив что-то, сказал:

– Кстати, Мотыгин! Не разглядел, проявил недальнозоркость в выявлении такого опасного элемента, понимаешь!

Это же надо, затаился, гад, в высшем эшелоне Красной Армии. Недоволен он, видишь ли, мудрой политикой товарища Сталина, направленной на скорейшую коллективизацию и индустриализацию нашей социалистической родины, выявление вражьего элемента в рядах Армии! Сегодня же с ним разберусь – скорее всего, уволим к черту, исключим из партии, а там... посмотрим.

Кузьмин почувствовал, как капля холодного пота потекла под гимнастеркой и форменной рубашкой вдоль позвоночника – ему прекрасно было известно, что кроется за этим наркомовским «посмотрим». Его тоже могла ожидать участь этого Мотыгина из соседнего отдела.

Сначала тебя заведут в твой же кабинет или в кабинет соседа, но уже не в качестве допрашивающего, а в качестве допрашиваемого. Затем – пустят в расход по мановению пальца, ленивым и потому скупым росчерком карандаша «Лучшего друга советских людей» – он видел как-то расстрельные списки с короткой записью синим карандашом: «Утв. /Ст.».

От Ежова не скрылось то, что собеседник его резко изменился в лице.

– Что с лица спал, Кузьмин?

– Так ведь ошибочно поступил, товарищ нарком, застрелил Константинова этого.

– Не бойсь, лейтенант, замолвлю о тебе словечко товарищу Сталину на докладе. Скажу, что командарм буянить начал, кидаться на сотрудников, вот и пришлось уничтожить. Хотя товарищ Сталин, разумеется, очень бы хотел суда над вражиной этой, вынашивавшей свои злодейские планы.

Ежов вновь поднялся из-за стола, постаравшись придать своей фигуре коротышки как можно больше внушительности, отчего лейтенант вытянулся еще сильнее.

– Ладно, с этим закончили. Мне кажется, что именно после допроса 15 числа нервы нашего вояки уже не выдержали – умом тронулся. Ты обрати внимание на все эти мелкие несостыковки в протоколе. Его 15-го вызывают к нам и в тот же день зовут на торжество в Кремле – ну не бред?

Товарищу Сталину известно гораздо больше, чем все мы думаем. Стал бы он распоряжаться о приглашении шпионов и врагов народа на торжество с его участием.

Представляешь, что было бы с пригласившим будущего врага народа, участника троцкистского заговора в рядах Армии на торжество с участием товарища Сталина в обход его воли?

Ежов начал мерить шагами ковровую дорожку, проложенную вдоль длинного стола, перпендикулярно приставленному к его, наркомовскому столу.

– Затем, что это за торжество в честь образования Ворошиловской и Сталинской областей? Нет, конечно, такое событие заслуживает проведения торжества, но звать на него заместителя начальника штаба Наркомата обороны и сообщать ему, что ему присвоено очередное военное звание? – Очередной бред!

Нарком взял со стола протокол допроса Константинова, открыл на третьей странице и, помедлив немного, ища глазами нужную ему строчку, продолжил свои рассуждения.

– Да и эта лирика: «Я – человек с мертвой душой. Моя душа мертва...» и тра-та-та и бла-бла-бла! Чего ты вообще ему дал собственноручно заполнять бланк допроса? Ерунда эта может только натолкнуть на мысль о том, что человек был несколько не в себе.

– Виноват, товарищ Генеральный комиссар!

– Виноват, виноват.

Ежов остановился так, что длинный стол отделял его от Кузьмина и, оперевшись руками о спинку стула, стальным взглядом посмотрел в глаза лейтенанта.

– Теперь надо бы разобраться с его семьей. Он там в допросе указывал, что отправил их на поезде в неизвестном направлении. Я смотрю, ты здесь не доработал. – Видно было, что нарком начинает выходить из себя – от благодушного поначалу его настроения не осталось и следа. – Надо было выяснить, куда они направились. Как говорил товарищ Сталин: «Каждого, кто своими действиями и мыслями покуша-

ется на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. Уничтожать всех врагов до конца, их самих, их род!»

– Товарищ нарком, я выяснял у него эту информацию – два зуба передних ему выбил – начал оправдываться лейтенант.

– Плохо выясняли, лейтенант! Не выяснив, пристрелили врага, действуя, фактически, самоуправно, в обход руководства! – Ежов перестал фамильярничать, обозначая пропасть, отделяющую его, наркома, от какой-то мелкой сошки из 2-го Управления.

Я еще раз повторяю, товарищ Сталин будет крайне недоволен тем, что мы, выявив врага народа в самом сердце Армии, собиравшегося физически устранить нашего вождя, вместо того, чтобы открыто судить его и его поганое отродье – изобличить его перед лицом советского народа, так бестолково его устранили и упустили его родственников!

– Так как же сумасшедшего-то судить? – Начал было Кузьмин, но тут же осекся и опустил глаза в пол, чтобы избежать тяжелый взгляд наркома.

– А это не вашего ума дело, лейтенант! Идите, ищите его родственников! – Уже срываясь на визг, кричал Ежов. – Он же сказал, что шестнадцатого отправил их на поезде. Идите, выясняйте на всех вокзалах, куда отбыли Константиновы, их данные у вас имеются. Без результатов не возвращайтесь!

– Но, товарищ Генеральный комиссар, насколько можно

доверять показаниям психа?

– Молчать! Не обсуждать! – Заорал нарком. – И молитесь, чтобы товарищ Сталин был в настроении, когда я ему буду докладывать о произошедшем. Во второй половине дня жду результатов.

– Разрешите идти, товарищ нарком? – Понимая, что аудиенция закончена, спросил Кузьмин.

– Выйдите вон! – Опускаясь на свой стул, сказал Ежов.

Как и предполагалось, никаких результатов поиск информации о приобретении билетов на железнодорожных вокзалах семьей тронувшегося умом командарма, мнимого убийцы Сталина, не дал. Консьерж дома, где проживал Константинов, сообщил, что семейство, то есть жена и дети Константинова, действительно 16-го июня убыли из дома, сказав, что направляются в Крым на отдых, а командарм последует за ними. Обыск на даче результатов также не принес.

– Как сквозь землю провалились! – С досадой думал Кузьмин, устало возвращаясь в здание на Лубянке. – И эти остолопы из наружного наблюдения всю работу завалили – сказали, что объект сопровождал семью до «Кропоткинской» и вернулся домой. На вопрос, почему не проследили за семьей, пожали плечами, сказав, что указание было наблюдать только за объектом, то есть Константиновым. Ежов будет в бешенстве!

Но ничего, найти их – лишь дело времени. Как верблюду

пройти сквозь игольное ушко, так и советской семье, а тем более семье командарма, – оказаться за границей. – Улыбаясь своим мыслям, подумал лейтенант. – А внутри страны их найти – дело плевое.

Проходя через пропускной пункт, он поймал на себе любопытный взгляд сержанта, проверявшего документы.

Когда он прошел первый пролет лестницы и начал подниматься по второму, он услышал, как сержант поднял трубку телефона, имевшегося на посту, а затем, набрав номер и, по видимому, дождавшись ответа, пробурчал еле различимые слова, не более двух предложений, после чего положил тихо звякнувшую трубку на рычаг.

Он по профессиональной привычке отметил про себя этот факт, но не придал ему какого-либо существенного значения.

Открыв свой кабинет на третьем этаже, Кузьмин потянулся к выключателю, но был оглушен увесистым ударом по затылку.

Очнувшись, он обнаружил себя лежащим на полу. Кобуры и ремня не было, он ощутил это по неестественной легкости и свободе в области талии. Не было также и знаков различия на гимнастерке – их вырвали с мясом, и лохмотья на воротнике неприятно щекотали его подбородок.

Над ним возвышались два молодцеватых крепких сержанта, фамилий которых он не помнил, – они лишь недавно поступили на службу в его ведомство. Чуть поодаль, вытянутые

в струнку стояли начальник его отдела Петин и начальник 2-го Управления Федоров.

Подняв голову и сконцентрировав взгляд на голове, едва высовывавшейся из-за стола, он понял, что на его месте сидит Ежов. Судя по осоловелому взгляду, нарком был подшофе.

– Ну что, лейтенант, нашел семейство Константиновых?

– Никак нет, товарищ нарком, но это, я полагаю, дело времени. – Сплевывая кровь, сказал Кузьмин.

– А-ай, плевать! – Пытаясь сосредоточиться на лице лейтенанта, сказал Ежов. – Все равно уже. Для тебя-то уж точно.

Нарком встряхнул головой, покачиваясь на стуле, и продолжил:

– Рассказать тебе, что мне товарищ Сталин сказал, когда я по телефону ему докладывался? – И, не дожидаясь реакции от Кузьмина, сам ответил на свой вопрос. – Он мне сказал о необходимости искоренения вредительского элемента в рядах Наркомата Внутренних Дел!

Ежов окинул мутным взглядом захудалую обстановку кабинета, принадлежавшего до недавнего времени Кузьмину, и вновь спросил:

– А знаешь, кто у нас вредительский элемент, подлежащий искоренению? – Ты, Кузьмин, да Мотыгин – вы объединились в группу, пытаетесь выгородить своего соучастника – командарма Константинова, чтобы попытаться помочь ему избежать заслуженного возмездия. Когда ваш заговор был

провален, скажем так, по причинам, от вас независящим, ты, Кузьмин, решил избавиться от Константинова, чтобы он весь ваш заговор, всех вас не сдал.

Однако же, как я говорил, товарищ Сталин знает гораздо больше, чем вы, идиоты, думаете – видит всех вас насквозь! Он сразу же мне обрисовал по телефону, как дело обстояло в действительности. Да я и сам уже обо всем догадывался.

Нарком пьяно ухмыльнулся, встал и, пошатываясь, вышел из-за стола.

– А еще товарищ Сталин мне следующее сказал. – Ежов вдохнул воздух поглубже, выдерживая паузу. – «К вашему сведению, Николай Иванович, незаменимых людей у нас нет».

И вот подумал я, что ты нуждаешься в замене. – Нарком на несколько секунд склонил голову, обдумывая что-то, затем крикнул: «Поляков!».

Один из сержантов, стоявших над растянутым на полу Кузьминым, сделал шаг вперед. – Я!

– Твой кабинет, можешь переезжать из подвала сюда. – Сказал Ежов.

– Есть! – Гаркнул сержант, явно предвкушая гарантированное повышение. Ему и в голову прийти в этот момент не могло, что через год, когда он, показав себя умелым лизоблюдом, дослужится уже до начальника отдела, его тоже уничтожат как ставленника "гносного заговорщика Ежова".

Нарком лениво поднял правую руку и попытался сконцен-

трироваться пьяными глазами на циферблате наручных часов.

– До завтрашнего телефонного доклада товарищу Сталину десять часов и... тридцать семь минут. Значит, жить тебе, Кузьмин, осталось... десять тридцать семь минус пятнадцать... десять часов двадцать две минуты.

Так, Федоров и Петин, вам по выговору за халатность! – Прогремел после проведения нехитрых расчетов, Ежов. – Именно из-за вашего разгильдяйства вовремя не обнаружили этих заговорщиков внутри наркомата! Федоров, поручи своим, из другого отдела какого-нибудь, допросить гада. Чтобы через два часа было признание, протокол допроса мне на стол! Всё, убрать!

Персоналии:

И.В. Сталин в представлении не нуждается. Поставил прививку от инакомыслия целой стране, изменив определенным образом генотип населения, в нем проживающем.

Н.И. Ежов – глава НКВД в период с 1937 по 1939 гг. Тоже в представлении не нуждается.

А.И. Егоров – советский военачальник, один из первых Маршалов Советского Союза (звание присвоено в 1935 г.). 27 марта 1938 г. арестован, 26 июля 1938 Ежов представил на утверждение Сталина список лиц, подлежащих расстрелу, в котором было 139 фамилий. Сталин вычеркнул из списка

фамилию Егорова, который прожил благодаря неслыханной гуманности вождя ещё полгода – до 23 февраля 1939 г. Приурочить ко Дню Красной армии расстрел одного из ее маршалов – очередная острота "Отца народов".

Н.Н. Федоров – начальник 2-го управления НКВД СССР в период 28.05.38–29.09.38 (2-е управление образовано с реструктуризацией НКВД СССР и упразднением ГУГБ, утвержденной Решением Политбюро ЦК ВКП(б) П60/7 от 28 марта 1938 г. и объявленной приказом НКВД № 00362 от 9 июня 1938 г.; структура была изменена с восстановлением ГУГБ Решением Политбюро ЦК ВКП(б) П64/82 от 23 сентября 1938 г. и объявлена приказом НКВД № 00641 от 29 сентября 1938 г.

Е.А. Щаденко – военный и государственный деятель, генерал-полковник (с 1942 г.), член РСДРП(б) с 1904 года. В 1930—1934 член ЦКК, в 1939—1941 член ЦК ВКП(б), с 1941 кандидат в члены ЦК ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва (1937—1946). Причастен к массовым репрессиям в РККА. Присутствовал при пьяных откровениях маршала Егорова в Барвихе, стоивших последнему жизни.

А.И. Константинов, Е.Б. Кузьмин, Петин, Поляков – персонажи вымышленные. Все совпадения не умышленны, но случайны.